

4. Виттенберг, Е.Я. Социальная ответственность: власть и бизнес / Е.Я. Виттенберг // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – Т. 4. – № 3(15). – С. 54-77.
5. Коданева, С.И. Институционализация социальной ответственности государства в России и за рубежом / С.И. Коданева // Россия и современный мир. – 2019. – № 3(104). – С. 222-236.
6. Козбаненко, В.А. Социальная ответственность государства и бизнеса / В.А. Козбаненко // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 1(6). – С. 6-11.
7. Михайленко, Н.В. Цифровое государственное управление / Н.В. Михайленко // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 171-175.
8. Сливицкий, А.Б. Концепция оценки уровня готовности технологий, производств как механизм формирования единого инновационно-технологического пространства / А.Б. Сливицкий // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – Москва, 2017. – Вып. 12, ч 1. – С. 618-624.
9. Сливицкий А.Б. Система уровней готовности технологий как оптимальная модель организации и финансирования процесса создания научно-технического задела в российской промышленности / А.Б. Сливицкий // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – Москва, 2016. – Вып. 11, ч. 3. – С. 461-469.

САМОЗАЩИТА ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Козловская В.В.,

*декан юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»*

Среди способов защиты гражданских прав, предусмотренных ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), правообладатель, чье исключительное право нарушено в результате незаконного использования объекта промышленной собственности в сети Интернет (далее – Интернет, Сеть), может выбрать один или несколько общих способов защиты, а также применить специальные способы защиты исключительных прав, предусмотренные законодательством. Вызывает интерес, насколько в современных условиях всеобщей цифровизации может быть эффективен такой способ как самозащита права применительно к случаям нарушения исключительных прав на объекты промышленной собственности, используемые в Сети. Цель исследования – изучение возможностей применения самозащиты права при нарушении прав на объекты промышленной собственности в Интернете. Исследование основано на изучении норм права Республики Беларусь, регламентирующих отношения в сфере использования объектов промышленной собственности, доктринальных положений.

Самозащита права – защита гражданских прав непосредственными действиями лица, права которого нарушаются, если такие действия не сопряжены с нарушением законодательства (ч. 1 ст.13 ГК Республики Беларусь). На доктринальном уровне преобладает мнение о том, что самозащиту следует рассматривать не как способ, а как одну из форм защиты права наряду с судебной и административной формами [1, с. 120; 2, 2, с. 134; 3, с. 61].

В научных публикациях, в рамках которых самозащита рассматривается в качестве способа защиты права, возможность применения действий фактического характера для защиты прав на объекты промышленной собственности ставилась под сомнение [4, с. 459; 5, с. 420]. Фактические действия по самозащите права, предпринимаемые правообладателем, могут быть направлены либо на принадлежащее ему имущество в целях защиты своих имущественных прав, либо на личность правонарушителя и его имущество для защиты как личных, так и имущественных прав [6, с. 245]. По мнению В.О. Калятина, «меры самозащиты, которые являются действиями фактического характера (например, необходимая оборона и крайняя необходимость), оказывают воздействие на материальный носитель и потому не эффективны в отношении объектов исключительных прав в силу нематериальной природы этих объектов» [5, с. 420–421]. Сложно представить себе действия правообладателя объекта промышленной собственности в условиях крайней необходимости или необходимой обороны и по отношению к лицу, неправомерно использующему объект в Сети.

Однако существует и противоположная точка зрения, заслуживающая внимания. Так, по словам российского правоведа А.Н. Кузбагарова, «бесспорным является возможность применения самозащиты. Самозащита интеллектуальных прав, допускаемая ст. 14 ГК РФ, обусловлена разнообразием и свободой выбора способов защиты, с единственным условием – границам защиты. Главным условием является то, что способы должны быть соразмерны нарушению прав и не выходить за пределы действий, объективно необходимых для пресечения таких действий» [7, с. 73].

Помимо необходимой обороны и крайней необходимости в числе фактических действий по самозащите выделяют меры охраны. Применительно к материальным объектам они выражаются в использовании охранных средств различного рода: замков, запорных механизмов, сигнализаций и т.д. [8, с. 78]. Технические средства защиты могут быть использованы и для защиты информации, которую обладатель желает сохранить в тайне. Например, для сохранения в режиме коммерческой тайны секретов производства (ноу-хау) применяются средства, препятствующие несанкционированному доступу к этим сведениям через Интернет.

Следует учитывать, что указанные меры применяются до момента нарушения права на защиту информации от незаконного использования. Когда правонарушение совершено, в использовании данных мер уже нет необходимости. Поэтому эти меры действительно имеют отношение

не столько к защите, сколько к охране прав в их ненарушенном состоянии. По аналогии с тем, как это осуществляется применительно к объектам авторского права и смежных прав, с помощью технических средств можно воспрепятствовать копированию изображений товарного знака или промышленного образца, размещенных на интернет-сайте правообладателя.

Специфика самозащиты как формы защиты права заключается в том, что правообладатель вправе осуществлять ее самостоятельно, как фактическими, так и юридическими действиями, без обращения к помощи соответствующих органов и уполномоченных государством должностных лиц, но в рамках соблюдения закона [7, с. 239].

Что же касается применения юридических действий по самозащите, то они предполагают использование предусмотренных законодательством способов защиты. Например, требования о прекращении нарушения исключительного права на объект промышленной собственности, используемый в Интернете, и взыскании убытков, возникших в результате такого использования, могут быть предъявлены правообладателем в досудебном порядке путем направления претензии нарушителю. При добровольном прекращении правонарушителем незаконного использования объекта в Сети и возмещения причиненных убытков, самозащиту исключительного права можно считать состоявшейся. В противном случае правообладатель сможет восстановить нарушенное право путем обращения в суд либо урегулирования спора в досудебном порядке, в том числе, обратившись за помощью к медиатору.

Нужно сделать оговорку о том, что специфика цифровой среды, предполагающая трансграничность, анонимность и высокую скорость распространения информации, требует от правообладателей применения превентивных и ситуативных мер, которые не всегда могут быть обеспечены традиционными судебными механизмами ввиду их длительности. Эффективность самозащиты сегодня напрямую связана с использованием инновационных технологических решений, таких как автоматизированные системы мониторинга нарушений, блокчейн-платформы для фиксации приоритета, а также программно-технические средства ограничения доступа к контрафактной продукции. При этом важным фактором успеха становится активное взаимодействие правообладателей с цифровыми посредниками – маркетплейсами, агрегаторами и социальными сетями, – которые через внутренние регламенты и процедуры (например, системы notice-and-takedown) создают условия для реализации внесудебной защиты интересов.

Развитие общественных отношений и правоприменительной практики в области урегулирования споров о нарушении прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, вызывает необходимость искать новые формы взаимодействия сторон подобных юридических конфликтов. По нашему мнению, в сфере разрешения таких споров эффективным является институт медиации.

В Республике Беларусь все споры о незаконном использовании объектов промышленной собственности в Сети подсудны исключительно судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности. Соблюдение претензионного порядка урегулирования таких споров или проведение медиации не являются обязательными условиями для реализации права на обращение в данную коллегию.

С одной стороны, отсутствие такого требования должно сказываться положительно на интересах правообладателя объекта промышленной собственности, поскольку в таком случае ему не нужно откладывать обращение в суд и тратить время на досудебное урегулирование спора. Однако, с другой стороны, среди практикующих юристов общепринятым считается мнение, согласно которому именно на стадии досудебного урегулирования можно достичь наиболее выгодного для обоих участников конфликта соглашения, исключая судебные и прочие расходы.

Полагаем, решением проблемы может стать более активное использование сторонами спора возможностей, предусмотренных законодательством: например, путем предъявления претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора) либо проведения медиации по выбору сторон до обращения в Коллегию с иском. Так, ч. 2 ст. 10 ГК Республики Беларусь гласит: до обращения в суд с иском по спорам между юридическими лицами и (или) физическими лицами, осуществляющими индивидуальную предпринимательскую деятельность, обязательными являются предъявление претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора) либо применение медиации, если иное не установлено настоящим Кодексом, иными законодательными актами или договором. Порядок предъявления претензии, а также порядок применения и проведения медиации устанавливаются законодательством и (или) договором.

Иными словами, соблюдать обязательный досудебный порядок урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений на данный момент необходимо только в том случае, если спор возник между юридическими лицами и (или) физическими лицами, осуществляющими индивидуальную предпринимательскую деятельность. Для всех иных субъектов существует не обязанность, а возможность заключить договор (соглашение) об урегулировании спора до обращения в суд. В ГК Республики Беларусь нет запрета в том числе и на применение в таких случаях медиации.

По спорам, возникающим в связи с нарушением прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, имущественные требования зачастую бывают настолько велики, насколько и неосуществимы ожидания истцов. Полагаем, что наличие упомянутой юридической возможности создает условия для расширения использования института медиации для урегулирования данной категории споров.

Кроме того, такая возможность предусмотрена ст. 176 Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: подведомственный суду спор,

возникающий из гражданских, семейных, трудовых и других правоотношений, может быть урегулирован сторонами с участием медиатора (медиаторов), если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих правоотношений.

Основная роль досудебного урегулирования спора заключается в предоставлении сторонам возможности самостоятельно разрешить спорную ситуацию, не доводя ее до судебного разбирательства, что позволяет оперативно урегулировать разногласия и свести к минимуму судебные расходы. Расширение применения института медиации при урегулировании споров, возникающих в связи с нарушением прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете, позволит более быстро и взаимовыгодно разрешать конфликты подобного рода, причем по более широкому кругу вопросов, чем это может быть предусмотрено исковыми требованиями. Преимущество медиации в данном случае видится также и в том, что стороны в последующем не обязаны возвращаться в суд для проведения процессуальных действий по прекращению производства по делу.

Подводя итог, можно констатировать, что в условиях стремительной цифровизации самозащита прав на объекты промышленной собственности трансформируется из вспомогательного инструмента в один из наиболее оперативных и эффективных способов противодействия правонарушениям в глобальной сети. Однако расширение практики применения мер самозащиты в Интернете требует строгого соблюдения принципа соразмерности и недопустимости злоупотребления правом. Юридическая легитимация цифровых инструментов самозащиты должна сопровождаться четким разграничением между правомерным пресечением нарушений и необоснованным ограничением конкуренции или прав пользователей. В перспективе дальнейшее развитие данного института видится в гармонизации национального законодательства и технических стандартов, что позволит создать сбалансированную экосистему защиты промышленной собственности, где частная инициатива правообладателя и государственное регулирование будут дополнять друг друга, обеспечивая стабильность гражданского оборота в цифровой экономике.

Список использованных источников:

1. Козловская, В.В. Гражданско-правовая защита прав на объекты промышленной собственности, используемые в сети Интернет (по законодательству Республики Беларусь) (Часть 1) / В.В. Козловская // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 2. – С. 120-123.
2. Иванова, Д.В. Защита права промышленной собственности по законодательству Республики Беларусь / Д.В. Иванова // Право.by. – 2008. – № 2. – С. 134-142.
3. Трегубов, М.В., Шукшин, С.И. Выбор способа защиты интеллектуальных прав / М.В. Трегубов, С.И. Шукшин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4. – С. 60-66.
4. Городов, О.А. Патентное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / О.А. Городов. – М.: Проспект, 2005. – 541 с.

5. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): Учеб. для вузов / В.О. Калятин; со вступ. ст. В.А. Дозорцева. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 480 с.
6. Андреев, Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. – М.: Норма. Инфра-М, 2010. – 462 с.
7. Кузбагаров, А.Н. Защита интеллектуальных прав с применением альтернативных способов защиты / А.Н. Кузбагаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 72-77.
8. Зыков, Е.В. Гражданско-правовая защита права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Зыков; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – М., 2008. – 235 с.

ПОВОРОТЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Разуваев Н.В.,

*заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного
института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент*

Важной тенденцией, характеризующей современное состояние права и государства, является цифровая трансформация, которая в той или иной мере затронула все феномены правовой реальности. Как известно, наступление цифровой эпохи в социальной коммуникации было предсказано еще в конце минувшего столетия М. Кастельсом и другими теоретиками, полагавшими, что в информационном обществе, благодаря широкому внедрению новых технологий, происходит не только тотальная деконструкция вертикально-иерархических социальных структур, интегрировавших в себя все виды человеческой деятельности, но и перестройка этих структур на принципиально иной основе.

Результатом отмеченных изменений становится появление горизонтально-сетевых форм организации производства, обмена, движения капитала, а также появление сетевых сообществ, самым глобальным из которых является сообщество «Мировой паутины», включающее в себя миллионы пользователей сети Интернет, находящихся в различных странах мира и на разных континентах [1, с. 275]. Трансформациям в цифровую эпоху подвергается и само географическое пространство, исторически образывавшее своего рода «естественный фундамент», на котором надстраивались все социокультурные пространства, включая пространство правовое. Как отмечал М. Кастельс, под влиянием цифровых технологий оно превращается из «географии мест» (как представляли себе мировую ойкумену ученые прошлого, начиная с древних греков) в «географию потоков», под которыми понимаются «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов